

Задрожал зеленый. Пешеходы протоптали пыль пешеходного перехода и навалились на узкую московскую улочку. Навалились всей массой, да еще подпрыгнув, будто вступили на край узкого бревна, свисающего краями с пня, желая перевесить улицу с ее домами, машинами и магазинчиками на себя. Но улица даже не вздрогнула. Единственное изменение — с другого ее конца выкатилась красная точка. Кто-то выкинул клубок старых ниток из арки? Точка стала расплзаться в воздухе и превратилась в вязаную шапку. Под шапкой лицо, его пока не видно. Можно разобрать седую бороду. Борода от ходьбы качалась, обметая воротник когда-то малинового пиджака. Теперь он походил на плащ, один рукав вытянулся, как у старой кофты, второй отсутствовал напрочь, пуговицы тоже вырваны, полы пиджака напоминали бахрому, к тому же в нескольких местах откусанную собаками. Погрыз кто-то и рубаху, свисающую поверх штанов серо-желтой плащаницей. Вместо штанов — и это подошедшие ближе горожане смогли разглядеть — блестящие детские застиранные колготки, когда-то украшавшие московские дворовые турники, приспособленные под вешала. В районе ступней колготы разъехались. Обуви не было.

А ведь мелькнула на горизонте сначала такая яркая точка. И вот нате вам — нарисовался!

— Батюшки мои, и как он ходит, чай, не май! — подивилась прохожая, дама преклонных лет профессорского вида.

Местная дворничиха, ломающая у одного из магазинов костлявыми руками коробки, ответила даме:

— Конечно, не май, октябрь уж, а ему чего? Он и в мороз так ходит.

— Бомж? — спросила, не глядя на дворничиху, профессорша.

— Какой там! Юродивый.

— Да вы что?! — И дама зачем-то прижалась к стене ближайшего дома.

— Вот дает, — удивилась дворник. — Его уж давно все знают, Кипряшку-то.

Кипряшке по чертам лица можно было дать лет сорок, но глаза выдавали старика. К тому же он так хитро на всех смотрел, с таким мудрым прищуром, что даже у самых пожилых встречных ему людей возникала оторопь — неужели так долго живут?!

Профессорша преклонных лет зависла на его созерцании — внезапно рука юродивого щипнула ее за живот. И звонкий голос быстро по-детски проговорил: «Гроб твой обит, за тобой стоит, за хлебом идешь, до Пасхи сгниешь».

Дама плюхнулась на покоцанный первым снегом асфальт.

— Да что такое-то? Ты мне? — испуганно заговорила она. — Ты дурак, небось?

— Ага, дурак. Помрешь скоро, вот и делов-то, — бубнила дворничиха под нос, незаметно перекрестив и недавнюю собеседницу, и дурачка.

Нарисовавшийся свернул к храму апостола Иоанна в Богословском переулке. Там его уже встречала толпа людей, в толпе разглядывались телекамеры и фотоаппараты. Никто не двигался, все замолчали. Над переулком прогремел колокол.

Юродивый запрыгал на одной ноге, потом покружил вокруг толпы, расставив руки крыльями, и нырнул в ближайшую от паперти урну. Вскоре на крупном плане телевизионные операторы разглядели сканную пластиковую бутылку газировки, на этикетке еще можно было разобрать слово «Лимонад» и название фабрики «Аквапродукт».

Бутылку юродивый поставил перед собой на асфальт, упал перед ней на колени и стал бить головой об асфальт. Мудрые глаза то и дело разбрызгивали по сторонам слезы. Вспышки камер как сорвавшиеся с цепи собаки запрыгали вокруг, зеваки заохали, еще раз ударил колокол.

Стоящий среди людей, но выделяющийся из толпы своей яркой розовой жилеткой журналист федерального канала отстучал на планшете сообщение выпускающему редактору: «Юродивый благодарит компанию, спасшую больного ребенка. Берем в эфир?»

10:00

Тлавный редактор новостной программы федерального канала Антон Петрович Нелидов, закинув ноги на стол, покачивался в своем любимом кресле, когда-то подаренном ему одним известным режиссером. Напротив редактора в обычном офисном кресле красовалась его заместитель Мариночка — тридцатилетняя стерва и карьеристка. Нелидов ее любил. Не только за грудь и за податливость. Как человек, уже тридцать лет проработавший на отечественном ТВ, он точно знал — положиться можно только на стерв и пассивных геев. Такие не подводят. Сегодня Мариночка обрадовала шефа трогательной новостью — рано утром известная фирма по выпуску газировки перевела на счет онкобольной девочки пять миллионов рублей, столько требовалось для операции. Об этом ребенке стало известно вчера к обеду, Маша из Тольятти срочно нуждалась в помощи, тот случай, когда счет идет на часы, но у родителей денег на срочную операцию не нашлось. В подобные моменты у главного редактора всегда начинала болеть шея, он точно знал, если не найдет способ помочь людям — боль будет доканы-

вать до самой смерти. Но все, что он мог придумать, — объявить марафон по сбору денег в девятичасовом итоговом выпуске новостей. Но пока люди переведут, пока деньги упадут со счета на счет, пока оформление документов — смерть ждать не будет. После обеда в тот день шея уже разламывалась на части, и не разламывалась, а разгрызалась невидимыми голодными псами. К вечеру главред не выдержал и ушел домой, приказав все-таки объявить в вечернем эфире марафон.

Но марафон не понадобился, потому что уже в шестичасовом выпуске в традиционном включении из Богословского переулочка новая московская звезда, главная медиаперсона последних месяцев, юродивый, мудрец и провидец вдруг сел посреди улицы в лужу, заплакал и заговорил детским голосом: «В Тальяте поплыву, Маше помогу, Машку кто спасет — на небо попадет». Мариночка, получившая картинку с места события, догадалась, о чем говорит провидец, и срочно выдала в эфир информацию об умирающей девочке. Уже через пятнадцать минут в редакцию позвонил известный газированный магнат.

Нелидов новости не смотрел, но по тому, как от шеи отлегло, — догадался о чуде. Что конкретно случилось, он, конечно, не знал, ему и не надо было, главное — случилось, произошло. Для босса телевизионных новостей эти глаголы давно заменили все самые важные на свете слова.

— Сегодня будем с Богословского включаться? — спросила Мариночка. — А то замеры показывают, что от юродивого зрители подустали.

— Я сам решу, когда, кому, от чего отдыхать.

Марина вздрогнула и потянулась к верхней пуговице на кофточке.

— Тогда я пошла пока?

— Иди, моя хорошая, иди.

Только две вещи нравились Нелидову в его работе. Производить эффект на подчиненных девушек и осознавать, что ты можешь спасти чьи-то жизни. Когда это удавалась, он испытывал примерно те же чувства, какие испытывал двенадцатилетнем парнем, пробегая с удочкой в руках по грязным улицам своей невозможной малой родины. Он бежал до воняющей всей менделеевщиной речке, точно зная, что хоть одного пещаря, но обязательно выдернет. Значит, любимый кот снова облизнет ему пятки.

Нет, это не чувство счастья, это чувство того, что счастье в твоих руках.

Еще бы шея никогда не болела...

Сегодня в одиннадцать у генерального директора телекомпании совещание. Надо быть там. А до этого Нелидов должен познакомиться с кандидатом в его команду. Молодой журналист с восьми утра ждал у дверей кабинета. Вошедший на прием к главному ре-

дактору парень увидел ту картину, которую и должен увидеть человек, попавший в первый раз на прием к телевизионному начальнику, — ноги на столе, в руках сигара, несколько звонящих мобильных валяются на подоконнике, вдоль всех четырех стен висят телеэкраны, увидел глаза, заведомо знающие все, что было и что будет, волосы длинные, седеющие, собранные в косичку.

И услышал пришедший ровно то, что и должен был услышать: «Заходи, старичок, садись, рассказывай».

Из парня будет толк, сразу заметил главред. Но надолго он в новостях не задержится — слишком умный взгляд. Редакторский. А на эту должность здесь и без молодого дарования очередь в десятилетия.

— А ты, старик, семейный? — перебил Нелидов стройный рассказ кандидата о своих достижениях на каком-то провинциальном канале.

— Детей нет, жена есть, — ответил тот.

— Ну, ты знаешь, у меня принцип — я не беру тех, у кого нет детей. Ты уж не обижайся. Да и говорок у тебя, я слышу, забавный. Ты исправь говор-то, ребенка сделай, а потом приходи. О'кей, старик?

Всю эту тираду главред знал как молитву — и как молитву он каждое утро повторял ее по несколько раз все новым и новым охотникам до прямого эфира.

Лет тридцать назад то же самое и в этом же самом кабинете ему, алтайскому пареньку Антоше Нелидову, наговаривал бывший босс новостей, царствие ему небесное, хотя вряд ли он туда попал...

Тогда Нелидов встал и молча вышел из кабинета главреда.

Парень, сидевший сегодня перед ним, сделал так же — встал и молча вышел.

«Молодец, что не стал настаивать на своей исключительности, — подумал Антон Петрович, спуская ноги со стола. — Не баба, значит». И еще подумал, затягиваясь сигарой: «Зря я его отпустил».

Главред, разумеется, не мог знать на все сто, зря или не зря, но он был уже в том возрасте и в той должности, когда принято доверять интуиции.

Через пять минут Нелидов рассказывал новому члену своей команды:

— Задание первое. Есть такой юродивый в Москве. Откуда взялся, никто не знает. Когда объявился, тоже никто толком не помнит. Сам он ничего о себе не говорит, да и говорит-то как ребенок, и все какими-то присказками, стишками, как скоморох вроде. Но, старичок, этот малый делает нам половину рейтингов, народ его обожает. И каждый вечер мы включаем с ним прямой эфир или делаем сюжет о том, что у этого скомороха нового, о чем сегодня сказал, кто сегодня приезжал к нему, что происходило вокруг, ну, ты же понимаешь, чего я тебе говорю.

Корреспондент строчил в блокноте, не поднимая глаз.

— Короче, а фишка-то в чем? Он реальный предсказатель, ясновидящий. Вот как юродивые святые. Все, что скажет, — все сбывается. И все про всех знает, от президента до ребенка однолетнего. Божий человек, чего тут говорить. Ну, ты понял? — Нелидов строил на своем лице такую гримасу, будто отправлял партизана в логово врага.

— Конечно! Интересная тема. Прямиться? Или сюжет делать? — справился корреспондент у шефа.

— Это тебе Марина скажет, прямиться тебе или не прямиться. — Главред кивнул в сторону выхода и только сейчас обратил внимание на то, как одет его новый подчиненный. Джинсы, рубашка и жилетка, почему-то розовая. Причем жилетка его молодым худым плечам явно не шла. Нелидов вспомнил, что когда-то и сам любил носить жилетки, обожал строить из себя интеллигента, но это прошло с первой же командировкой в горячую точку.

— Слышь, старик, — окликнул журналиста редактор, — жилетку не надевай больше, тебе не идет.

Дверь захлопнулась, Нелидов встал и, взяв с подоконника один из телефонов, вышел из кабинета.

По пути к генеральному снова заныла шея, не к добру.

17:00

К храму Иоанна Богослова подтягивался народ, прихожане торопились на службу, зеваки дивились на Киприана.

А безумный юродивый вот уже минут пятнадцать пускал бумажный кораблик по широкой луже, что разлилась у самой паперти. Что бы это значило, думали люди вокруг. Опекающие дурачка журналисты звонили экспертам в надежде услышать разгадку такого знака. Значила же что-то игра в кораблики? Просто так юродивый ничего не делал.

Разгадку ожидали услышать и на так называемом подходе Киприана к прессе. Брифинг у храма. Это вошло в традицию с того самого дня, как, наконец добившись первого интервью от юродивого, журналисты получили громкое разоблачение и предсказание. Но до интервью была долгая притирка человека Божьего к человекам телевидения.

Как-то в редакцию небольшого московского телеканала позвонил мужчина. Запинаясь и задыхаясь от волнения, он рассказал о своем знакомстве с одним бомжом-экстрасенсом. «А еще бомж этот говорит все какими-то присказками, стишками, притчами и никогда не говорит нормально. Похоже, у него есть образование, да и видно, что старик-то умный». «Так он еще и старик?» — спросила девушка из телевидения.

«Не знаю, вроде здоровый, но глаза старика», — ответил мужик. И тут же стал рассказывать, что хотел наперед дать божью денег, а когда подошел к нему с протянутой бумажкой, нищий ни с того ни с сего выложил ему всю его подноготную. «А знал он обо мне, что я скоро защищу ученую степень и у меня родится внучка, — кричал мужчина в трубку. — Вот откуда ему известно, что я готовлюсь защищать докторскую и что моя невестка в роддоме?» «Да, интересно, — сказала девушка по телефону. — Если ваша новость станет темой программы, мы вам вручим приз». И положила трубку.

На следующий день к храму апостола приехала съемочная группа. Бомжа-экстрасенса журналисты опознали сразу — вокруг него собралось прилично людей. В основном женщины за сорок — они всегда живут завтрашним днем. Когда оператор вынул из длинного кофра камеру и поставил ее на треножный штатив, толпа резко разбежалась — обычно так разбегаются, когда кричат «Бомба!». Оператор было подумал — люди так испугались камеры, однако они испугались другого. На том месте, где только что стояло несколько десятков человеческих ног, бесновался молодой парень: он то бился головой о собственные руки и колени, то пытался станцевать не знакомый никому дикий танец, похожий временами на брейк, временами на чечетку, то орал женским голосом, то гавкал на храм и на людей, то снова бил головой о другие части тела. В стороне от сумасшедшего молился невысокий бородатый мужчина в красной вязаной шапке, в старом пиджаке и в натянутых детских колготках.

«Беса изгоняет», — важно сообщили растерянно оглядывающемуся оператору. Тот ничего не понял, но камеру включил. Нелепая, мистическая, пробуждающая мурашки сцена в Богословском в тот же вечер стала хитом Интернета.

Еще через день журналисты разобрались, что изгнавший беса бомж — это юродивый, или человек, который хочет им казаться. Последний раз в Москве такого видели в середине XIX века. Звался он Иван Корейша. Знала его вся Москва, одним советом давал, других лечил, третьим предсказывал. Настоящий юродивый. А этот? Кажется, кто-то назвал его Киприаном. Этот — юродивый? Или всего лишь сумасшедший? Если так, то неинтересен публике. Сумасшедших в столице тысячи. Но вот изгоняющих бесов и предсказывающих будущее прямые эфиры еще не знали.

Несколько дней наблюдения за прозорливым безумцем выявили еще несколько невероятных способностей — он мог лечить людей молитвой, криком или ударом в больное место. Мог угадать имена всех родственников и даже легко перечислить их грехи, а так-

же мог рассказать, что сегодня происходило в мире, не хуже программы новостей, за одним лишь исключением, что новость он не сообщал, а пропевал или начитывал речитативом — каким балуются подростки, подражающие крутым рэп-исполнителям.

Все попытки записать какое-либо интервью с ним заканчивались первое время поломкой микрофона, камеры или истерикой нового телегероя. Он мог упасть на свой зад и зарыдать прегорькими слезами, как рыдают дети, не сумевшие допроситься у родителей игрушки.

В поведении юродивого детского было много. Он коверкал слова, половину букв старательно не выговаривал, плакал и смеялся детсадовским мальчиком, канючил, дразнил окружающих, играл с найденными в местных помойках машинками и куклами, прыгал по улице через скакалку или находил где-то мел и исписывал асфальт каракулями.

Все это иногда вынуждало горожан называть Киприана беглецом из сумасшедшего дома. Но никто из больниц для душевнобольных так и не заявил о побеге пациента. Да и что касается души — он был скорее ее врачом, чем душевно недоразвитым. Наоборот, такой диагноз он сам ставил каждому второму, кто подходил к нему за советом или просто проходил мимо.

— А-а-а, — тыкал он в человека пальцем, — задержка развития души, вижу, знаю, отвечаю, ну-ка, милый, запиши, вот тебе рецепт — пляши. — И пускался танцевать вприсядку вокруг опешившего прохожего, постукивая того по всему телу.

— Но было совсем, совсем не больно, — говорили на телекамеры попавшие под руку юродивого. — Чувства такие, будто кто-то нежно целует тебя или греет.

— Знаете, — рассказывал мужчина в шляпе, похожий на музыканта или художника, — когда он первый раз начал вокруг меня приседать, я хотел залепить ему, когда он начал хлопать меня по пояснице, я даже слегка замахнулся, но тут почувствовал, что боль с поясницы спала. А до этого я разогнуться не мог. Во как! Вы поняли, кто он?

Вскоре очередь желающих быть поколоченными целителем в колготках выстраивалась до ближайшего Тверского бульвара, а затем народу стало столько, что в дело вмешалась полиция.

Раза три поначалу юродивого забирали в отделение, но на следующий день он снова появлялся на том же месте. В конце концов, учитывая ажиотаж и реальные невероятные волшебства, его оставили в покое.

С тех пор полиция сама следила за порядком в очереди, уже достававшей своим хвостом Тверскую.

Когда власти перестали досаждать, Киприан потеплел к журналистам. Первая же удачная попытка записать его голос на микрофон принесла мировую сенсацию.

Дело было так. Юродивый, изображая из себя водителя машины, с разбегу стал врезаться в одну из журналисток, протянувших к нему микрофон. Камеры фиксировали — не то клоун, не то гном, крутящий невидимый руль, бьется телом о хрупкую девушку, приговаривая: «Бибика Никиты сбивает Марину, папа Никиты скупает малину, девочку черви за ужином съели, пьяный Никита убежал в каравели».

«Что за бред сивой кобылы?» — первая реакция людей с микрофонами.

Вопросительный знак на Киприана. Наивное детское лицо с широко раскрытыми в ожидании конфеты глазами — в ответ.

«Ничего не понимаю» — вторая реакция людей с микрофонами.

Так и не поняли они ничего в тот вечер. Наутро только опомнились. Пришла новость, что автомобиль сына богатого олигарха и члена правительства Никиты Карманчука стал участником аварии. Погибла девушка, ее звали Марина. Полиция утверждает, что самого Никиты не было за рулем, якобы был его пьяный охранник. А сам молодой человек участвует в это время в парусной регате под Лондоном. Но те журналисты, что тянули вчера микрофоны к юродивому, сразу поняли, что к чему. И быстро нарыли доказательства — за рулем был сам Никита, а после аварии сбежал в Англию. Если бы не наводка безумца с Богословского, то никто бы и не подумал копать под сына самого олигарха. Больше других обалдела от дальновидности Киприана та хрупкая девочка, в которую он врезался с вытянутым вперед рулем. Эта журналистка работала в телекомпании, на все сто процентов принадлежащей отцу лихача.

Отныне люди переключали каналы только в поисках Киприана, а те, кто мог прийти к нему лично, сбросали все дела и шли в Богословский.

Сегодня снова не протолкнуться. Очередь все растет. Обычно юродивый Киприан к пяти начинал подзывать к себе людей, смотреть им в глаза, танцевать перед ними, кому стихи плести, а кому частушки петь, из которых легко угадывались все смыслы и наставления. Минуты по две на человека обычно хватало. И очередь понемногу двигалась. А тут — встала, как пробка, на том же Тверском бульваре. «Чего он там?» — спрашивали с хвоста. «Да все кораблик пускает», — отвечали с головы. Очередь глубоко вздохнула.

— Не могли бы вы как-то пояснить, что значит ваш перформанс? — не выдержала одна из журналисток, вероятно, новенькая и, вероятно, до конца не верящая в истинную юродивость нелепого мужичка.

Киприан в ту же секунду завалил пальцем свой бумажный пароходик и подождал, пока тот пойдет на дно. Перевел взгляд на толпу прессы, вернее, на парня в розовой жилетке, тот в эти секунды перелистывал

страницы на своем планшете. Так и смотрел на него с минуту. Наконец парень проговорил, сглатывая шок и ужас: «Только что в Черном море затонул пассажирский лайнер, на борту тысячи человек».

Улица ахнула глухим громом, очередь сбитым домино упала на колени.

12:00

Тенеральный директор и пять руководителей разных отделов телеканала заняли кожаные стулья за круглым, обшитым зеленым бархатом столом. Над столом висел желтый абажур в форме огромного китайского фонаря. Такие декорации подошли бы для фильма об итальянской мафии или о сходке русских воров в законе, на худой конец — ими бы воспользовался художник сериала о карточных играх. Впрочем, одну деталь художники бы точно выбросили — портрет Манделштама, он висел в дорогой раме за спиной генерального.

Директор, почесывая свою бритую голову и протирая заспанные карие глаза с накрашенными ресницами, без особых церемоний рассказал о произошедшей в верхах нашего правительства утечке. В руках западных СМИ оказался компромат на министра транспорта — оказывается, он незаконно владеет двадцатью пассажирскими лайнерами на Черном море. Когда-то он нагло и бесцеремонно отобрал эти корабли у прежних владельцев. Но это не самое страшное для министра. Коллеги в Европе также знают, что срок эксплуатации этих судов давно истек и поэтому никто их не собирался страховать. Корабли, по сути, были мертвыми. Вернее, их не было совсем. Но каждый день они отходили из портов по всему черноморскому побережью.

— В общем, нам теперь нужно создать стену, отбиться как-то от всех обвинений, — плавно давал указания генпродюсер, будто плыл на одном из нелегальных кораблей. — Антон Петрович, какие будут предложения? — спросил он Нелидова, сидящего по соседству слева.

— Корабли в утиль, министра в тюрьму, ты же знаешь, Петь, решение! — взвешенно и мудро предложил Нелидов.

— Блин, Антоха, мне не до шуток. — В интонациях шефа просыпался ураган. — Мне с утра сам звонил. И еще — с одного места. Короче, стоит задача перебить все обвинения, отвлечь народ.

— Как вы меня все достали: и «тот», и эти, с «того места», — застонал Нелидов, массируя одной рукой большую шею.

— Не начинай, Антош, сядь в мое кресло, потом я на тебя посмотрю. — Отговорки генерального были стары как мир.

— Нам с наших кресел одинаково больно падать, ты же знаешь, — парировал Нелидов.

— Так, пока вы играете в мудрецов, — включился в совещание заместитель по стратегическому развитию канала, толстенный мужик в очках с красной оправой — Леонтьич, — кто-то уже строчит тексты и снимает фильмы о гнилом российском правительстве. Давайте уже к делу.

— Отбиваться будут новости. Больше некому. И пару ток-шоу политических снимем об очередной лжи западных спецслужб о России, — раскладывал карты директор. — Антох, ты сам знаешь, что делать. Все обман, Россию мочат Европа и США, подтасовывают факты, нагло лгут, порочат наше правительство. И сделайте цикл сюжетов о судоходстве на Черном море. Довольные пассажиры, писатели путешествуют, дети радуются, а я договорюсь с министерством, чтоб путевки для сирот до Турции и обратно сделали...

— Почему до Турции? До Крыма, может? — не понял Леонтьич.

— Да хоть до Сирии, — девятым валом выкрикнул директор.

— Ну, или до Сирии, — согласился заместитель.

Нелидов шел по многокилометровому коридору телецентра, как по нескончаемому полю, по которому, наверное, бродят души во время мытарства. Они мучимы прежними грехами, без надежды на спасение, их ноги вязнут в размытой глине, а мысли — в грязных воспоминаниях. И сколько им еще идти, и сколько еще думать о прошлом, сколько мучиться вот так, на перепутье, зависнув между адом и раем, — никто не знает. Разве что родственники отмолят когда.

Но нынче молятся только за себя.

Попасть в ад Нелидов не страшился по той банальной причине, что он уже там. И в его аду не девять кругов, а — тут он стал вспоминать, сколько в телецентре этажей, — тринадцать! Тоже чертовское число. «Могу я еще вырваться отсюда?» — спрашивал себя Антон Петрович. Вырваться на свободу. Уехать в родную деревню, стать фермером, полюбить снова землю и посвятить остаток жизни осмыслению стихий, земли, воды, воздуха... Красоты, в общем. Даже можно писать книги. Одних воспоминаний томов на двести наберется. Как у любого хорошего журналиста.

Молодой Нелидов хоть и не сразу попал в редакцию новостной программы, но зато быстро стал ее лидером. И главной звездой канала. Еще в восьмидесятые он разоблачал руководителей всех уровней, кроме самого верхнего. Ездил по всей стране и Европе, однажды чуть в космос с оператором не улетел на частной самопальной ракете, но ракета треснула перед самым стартом. Он жил в пещерах с древним народом русского Севера, облетал на аэростате таджик-

скую границу в поисках наркокараванов, сплавлялся по быстрым уральским рекам, охотился на медведей в сибирской тайге. Да что он только не делал до перестройки! Его сюжеты о настоящих русских людях были настолько духоподъемны и патриотичны, что однажды в московской газете один экстрасенс посоветовал заряжать воду во время эфиров Нелидова.

А потом его на время сослали спецкором в Израиль, чтобы не мешал строить свободное телевидение, далекое от патриотичности и русскости. Чем не главы для мемуаров?

В конце девяностых Нелидов переквалифицировался в военные корреспонденты. Сам захотел. Жизнь показалась скучной. Ничего не радовало и не удивляло. Жена и трое детей не справлялись с обожженной душой главы семейства. Командировки в Чечню вернули ему, к тому времени уже корифею отечественного телевидения, смысл жизни. И вот он уже один из претендентов на пост главного редактора главных новостей страны. Конкуренты сдались до первого собеседования с куратором из администрации президента.

Приказ о назначении нового руководителя информационных программ подписывался в сауне на окраине столицы. За разговором о смысле новостей, в спорах об их роли для страны и мира во всем мире Нелидов с чиновником выпили три бутылки русской водки. И разошлись с глубоким похмельем. Подпись журналист получил, но гарантии невмешательства в редакционную политику — нет. В то утро у него впервые заболела шея.

Коридор телецентра по-прежнему не обещал конца. За спиной оставались съемочные павильоны и кабинеты всевозможных редакций, буфеты, курилки, лестничные пролеты, двери лифтов, эфирные студии, подсобки, склады... Впереди маячило все то же самое. И в столь же несчетных количествах.

Шаг главреда замедлялся, казалось, кто-то тянет его к полу или льет перед ним горячий асфальт, ноги вконец ослабли, голова закружилась. Пришлось свернуть в ближайшую курилку. Разумеется, переполненную. Нелидов попросил у знакомого оператора сигарету и сел в углу. Курилка, до этого живо что-то обсуждавшая, смолкла, потом все быстро, но аккуратно забросили окурки в пепельницы и по очереди вышли. Мозолить глаза начальнику никто не хотел.

В глазах начальника тем временем проблеснула влага.

Когда это началось? Когда из журналиста он превратился в пособника страшных преступлений государства? В одного из генералов информационной войны? И все бы ничего, если бы речь шла об отстаивании интересов Родины. За Родину серьезные мужики всегда ведут серьезные игры, в том числе на информационном поле. И это даже нравилось Нелидову.

Еще бы — все поединки с соперниками он выигрывал нокдауном.

Но все чаще играть приходилось не по правилам. Все чаще приходилось сражаться за тех, с кем в обычной жизни не сел бы за один стол. За воров, мошенников, убийц, за какого-нибудь урода из высших правительственных коридоров. «И почему они всегда по своим коридорам доходят до цели? — изумлялся Нелидов. — Хотя бы кто сгинул, хоть кого-нибудь бы утащили черти сквозь стены».

Давно, очень давно работа снова перестала приносить Антону Петровичу радость. Тогда-то он и придумал нечто спасительное. Нечто полезное для себя и для страны. То, что, может быть, поможет быстро миновать вязкие поля мытарств.

19:00

Ночные тучи подползали к куполам. К этому времени толпа на бульваре и в Богословском разошлась. Многие получили спасительное внимание от юродивого. Но какая-никакая очередь к нему еще стояла.

Рядом валялись пакеты, набитые продуктами, конверты, игрушки, одежда — дары просящих. Никогда ничего Киприан из этого не брал себе, хотя то и дело жалобно просил с паперти подавания Христа ради.

Многое из приношений блаженный раздавал тут же людям, отказываться никто не смел. Остальное он отдавал батюшке, настоятелю Иоанновского храма. Тот ежедневно после вечерней службы выходил к Киприану, благословлял его и уносил с собой скарб подарков. Дальше все это разносилось по детским домам, богадельням, тюрьмам, раздавалось неимущим. Батюшка всякий раз отчитывался перед юродивым. А тот слушал об этом внимательно, кивая головой в знак одобрения. Совсем как президент на встречах с подчиненными под телекамеру.

Настоятель обычно спрашивал у Киприана: «Ну, все хорошо у тебя? Никто не обижают?» Каждый раз тот начинал смущенно хихикать и опускать голову вниз, приговаривая нараспев: «Все хорошо, батюшка, велик Бог, подавай сапог». Затем падал перед священником на колени и целовал его обувь. Сам батюшка этого явно стыдился и уже приноровился после дежурного вопроса как можно быстрее убежать в храм, но иногда безумный его все-таки настигал. Оставалось, краснея, держа в руках приношения, приговаривать: «Ну что ты, что ты, человек Божий, это я тебе ноги целовать должен, прекрати, прекрати сейчас же».

Сегодня юродивый не успел припасть к ногам настоятеля. Не потому, что тот убежал. Причина сыскалась поважнее. К храму с Тверского завернула тонированная машина с мигалкой. С другого конца

переулочка подъехала такая же. Выбежали несколько человек в деловых костюмах с широкими штанинами и вмиг отогнали от Киприана людей. Даже батюшку. Люди в поредевшей очереди заволновались; журналисты смолкли, операторы повключали камеры, но костюмы вежливо приказали сохранять спокойствие и остановить съемку, предъявили угрожающие удостоверения. Рисковать никто не стал. Даже спросили разрешения на время отойти куда-нибудь подальше.

Из машины, что припарковалась у храма первой, вышел невысокий мужчина в широкой глубокой шляпе и в больших солнцезащитных очках. Штанины его брюк были не так широки, по всему видно — скроены специально под заказчика. Мужчина зашагал к юродивому.

— Кто там, кто? — спрашивали друг друга журналисты, вглядываясь в фигуры во мраке.

Но приехавшего на встречу с блаженным никто не узнавал. Никто, кроме самого блаженного.

— Грех приехал замолить? Черти будут тебя бить! Что, ты думаешь, крутой? Я тебе под зад ногой.

И юродивый пнул приехавшего на глазах у всех. Никто из личной охраны даже не дернулся. Все сделали вид, что ничего не происходит.

— Давай поговорим, Киприан, дело важное. Ради Бога, послушай.

Киприан упал на ступени паперти и закрыл глаза. Неузнанный никем человек сел рядом. О чем они говорили — слышали только стены храма. Кое-что долетало до настоятеля сквозь тонкую красноречивую щель — он просто не успел захлопнуть массивные двери.

Журналисты все гадали, кто бы это мог быть. Может, банкир? Депутат? Или член правительства? Те, кто был поопытнее, отличали вокруг себя сотрудников федеральной службы охраны. А также сотрудников другого всем известного ведомства — уверенный взгляд, ровные пропорции лица, руки, вытянутые по швам, как при принятии присяги, аккуратная одежда, да и мало ли примет у тех, кто блюдет нашу безопасность. Или безопасность того, кто сейчас о чем-то шептался с провидцем.

— Если не начать операцию, погибнут еще тысячи христиан, если начать, мы можем захлебнуться в нищете, — шевелились сухие губы под очками.

Юродивый молчал.

— Ты же от Бога, у тебя с Ним свой разговор, скажи, что Он тебе говорит? Ты же не просто так появился у нас. Ты послан, Бог всегда посылал юродивых в тяжелые дни, — бормотал мужчина, скорее, чтобы заполнить паузу или от страха — молчание Божьего собеседника его пугало, в одну из напряженных минут он даже начал тереть ладонью свои колени. Но, оглянувшись на смотрящих издали людей, сложил руки в замок.

Дверь храма все не закрывалась. Журналисты и люди не двигались, не ездили машины, не летали птицы. Все замерло. Пространство заполнилось ожиданием чего-то непонятного, но, безусловно, важного. Может быть, решается судьба страны. Или мира. Слившиеся в единую толпу кучки журналистов, просящих и зевая сейчас нашептывали друг другу, что к юродивому приехал не то министр обороны, не то министр иностранных дел, не то...

Над переулком зажглись фонари.

Парень из пула юродивого в розовой жилетке набрал на планшете историю блаженных в России. Оказалось — а он и не знал, — что юродство — это не диагноз. Это добровольный выбор человека. Абсолютное унижение себя. Цель одна — найти в себе настоящее смирение. Внешне — дурак дураком, но внутри горит такой свет, что на весь Третий Рим хватит.

К принявшим подвиг юродства сильные мира приходили всегда — получали советы или исцеление. Или просто по башке. Только безумцы могли позволить сказать всю правду в глаза царю. Васька Блаженный не раз ставил на место Ивана Грозного. А этот — все знают — мужик суровый, хоть и один из первых молитвенников на Руси. Правда от дурака — бьет в нужное место. К тому же дуракам чаще верят.

Но как ведут себя юродивые с такими людьми? Притворяются ли они? Или принимают обычный человеческий облик? Как ни билась розовая жилетка, так ничего не нашла по этой теме в Сети.

А юродивый все молчал. Стоящие вдалеке увидели лишь в его руке лист бумаги — подобранный широкий конверт. В нем было несколько купюр, их блаженный пустил по ветру. И начал складывать бумагу пополам, или мять, — не разглядеть.

Губы под очками все повторяли полет ласточек. Но неожиданно для всех юродивый с размаху ударил просящего по лицу. Охрана вздрогнула, но осталась на месте. Человек встал со ступеней и с опущенной головой зашагал к машине.

Когда до автомобиля оставалась пара шагов и кольцо охранников перед человеком в шляпе сузилось, безумный свистнул под стать Соловью-разбойнику. Чиновник обернулся. Юродивый замахнулся и выпустил бумажный самолетик. Самолет полетел прямо в руки высокопоставленному гостю.

Поймав знак безумца, мужчина перекрестился на церковь и юркнул в машину.

Богословский переулок опустел в считанные секунды.

Люди продолжали стоять за невидимой ограничительной чертой в районе бульвара, не решаясь подойти к тому, кто только что, возможно, решил все их судьбы разом.

А может, своим знаком юродивый просто посоветовал гостю купить частный самолет — может, за тем

он и приезжал. Богатым всегда подавая разные дурацкие благословения.

Киприан спустился со ступенек, лег спиной на асфальт, махнул кому-то невидимому рукой — и кто-то невидимый ударил в колокол.

Юродивый еле слышно запел:

Гляжу в озера синие,
В полях ромашки рву,
Зову тебя Россиею,
Единственной зову.

...Операторы бежали к дурачку с включенными камерами.

14:00

Нелидов впервые за много лет отправил своего скачущего секретаря купить шоколадку и виски. Закинув ноги на стол, он стал вглядываться в горящие телевизоры. Лицо, отражая цветные картинки, меняло расцветку каждую секунду. Но, похоже, оно не отражало экраны, главред на самом деле превратился в хамелеона. То краснел, то белел, то чернел, то зеленел. Но при этом даже не моргал, оставался неподвижным.

В дверь постучали. Это Марина.

— Заходи, солнце! — позвал сквозь цветную маску Нелидов.

— Ну, как там? Что-то интересное сказали? — спросил прокуренный голос.

— Как всегда — сказали, что мы говно!

— Ну, это не новость, — отшутилась Марина.

Нелидов оторвался от экранов и вцепился взглядом в глаза своего заместителя. В его собственных глазах загорелась люминесцентная лампа. Марина зажмурилась, не выдержав накала.

— Я так понимаю, что-то случилось, — догадалась она.

«Не зря ест хлеб», — обрадовался за подчиненную Антон Петрович.

В следующие пять минут Марина узнала все, что происходило на совещании. Бонусом — услышала личное мнение шефа по поводу происходящего. Она бы еще слушала не переслушала, да тут принесли виски и шоколад. Марина помогла секретарше — низенькой азиатке — разлить алкоголь в стаканы.

— Ну, за телевидение! — провозгласил главред и, осушив стакан, снова потянулся к бутылке.

— Что делать будем? — морщилась Марина, не забывая совмещать приятное с полезным.

— Что делать, что делать? Сказано же — отвлечь народ, опровергнуть, перебить, победить. Что нам еще делать, Марюня, бойцам невидимого фронта!

И еще одна порция виски провалилась в глотку Нелидова.

— Ну а если серьезно, — обтер губы шеф, — пока будем пороть горячку. Подождем. На опережение только трусы бьют. Верно?

— Как скажете, главное, чтоб потом проблем не было. — Марина начинала беспокоиться, план редактора не очень ей понравился.

— Проблем уже не будет, — пообещал Нелидов и взялся за бутылку.

— Хорошо, Антон Петрович, еще что-нибудь?

— Ты утром спросила про юридивого. Давай сегодня его выведем в прямое. Все равно повестка тухлая, может, разбавит хоть.

Марина заерзала, очередная идея шефа пришлась не по душе. Но перечить начальству — не в стиле стервы.

— Я забегу позже.

Заместитель вышла.

— Вот стерва все-таки, — ухмыльнулся Нелидов.

О себе напомнила шея, несколько раз стрельнуло так, что голова невольно вдавилась в спинку кресла. По лицу побежали цветные тени. «Сколько же боли, сколько боли, черт!» — подумал Нелидов, глядя на телевизионные экраны перед собой.

— И уже ничем не вылечить, — проговорил вслух и встал из-за стола. Пора было ехать.

Секретарше он честно сказал — опять ломит шею, нет сил, пойду отлежусь. Всем, кто будет искать, говорить — уехал по государственным делам.

— Хорошо, — хихикнула секретарша, мол, знаем мы ваши дела.

Нелидов уже взялся было за дверную ручку собственной приемной, но помедлил, затем быстро зашагал в кабинет. На столе стояла бутылка, на подоконнике ревели телефоны, кресло еще подрагивало, телевизоры гудели. Нелидов тяжело выдохнул и полез в счетчик, скрытый за пластмассовой дверцей. Что-то щелкнуло, и экраны вмиг потухли.

Антон Петрович почувствовал облегчение — боль спадала.

15:00

Пробки никогда не раздражали Нелидова. Но сегодня он бил кулаками о руль, сигналил по поводу и без, поливал перебегающих дорогу прохожих блажным матом. И шарил глазами во все стороны, словно кого-то или что-то искал.

...Наконец черной БМВ въехал в один из старинных переулков Москвы, нырнул в ближайшую арку и тихо остановился недалеко от мусорных баков, источающих знакомый запах столицы.

Нелидов огляделся, закрыл тонированное окно и полез под сидение. Достал пакет. На пассажирское кресло вывалил содержимое — красную вязаную шапку, бороду, потрепанный малиноватый пиджак, детские колготки...

16:00

Дверь БМВ хлопнула, пропиликала сигнализация. Отдаляющийся водитель-бомж три раза перекрестился. Минув низенькую арку, он резко выскочил на пустынную улицу. Дожидавшиеся на другом ее конце зеленого сигнала светофора даже не поняли, откуда взялось это яркое пятно — будто кто-то выкинул красный клубок старых ниток...

21:00

Напротив Киприана полукругом выстроились журналисты. Они что-то щебетали, перебивая друг друга и перекрикивая.

— Во орут, окаянные, — взболтнула проходившая мимо с коробками дворничиха.

Из окна жилого дома, что напротив церкви Иоанна Богослова, глядел мальчик лет пяти. Любопытные глаза, палец в носу, на голове шапка пирата.

За время, пока шел брифинг, юридивый не сказал ничего внятного, все шуточки, прибаутки, присказки да сказки. Но к этому все привыкли. Главное записать — зрители и эксперты сами подгонят сказанное под собственные мысли.

Но впереди оставался главный вопрос сегодняшнего вечера. И вот корреспондент в розовой жилетке, дождавшись кивка своего оператора, означающего, что эфир пошел, продрался сквозь все голоса и громко спросил.

— А что означал затопленный кораблик? Хотелось бы знать, как это связано с трагедией...

Юридивый одобрительно посмотрел на журналиста. Тот что-то узнал в этом взгляде. И замолчал.

Киприан заговорил не своим голосом:

— Бессонница. Го...